

Мо Наньфэн, которого Гу Цзэсяо бесцеремонно забросил из поместья хоу Цзибэй обратно в Линьянь, что в Северной пустыне, больше полумесяца залечивал раны. Лишь теперь он нашел в себе силы подняться с постели. Му Фэйюнь заглянул к нему как раз в тот момент, когда бедолага пришел в себя. И хотя виделись они прежде всего раз, юношеский пыл и общность интересов сделали свое дело — пара пустых фраз, и вот они уже общаются как старые добрые друзья.

Мо Наньфэн, с ног до головы замотанный в белые бинты поверх целебных мазей, казался тенью самого себя. С ним можно было болтать о чем угодно, но стоило Му Фэйюню обронить имя Шэнь Цинханя, как Мо мгновенно каменел. Он становился отрешённым, и больше из него нельзя было вытянуть ни слова.

Выйдя из комнаты с пустой чашей, от которой еще шел пар, Фэйюнь столкнулся с молодым слугой.

— Молодой господин снова отказался от лекарства? — вполголоса спросил тот.

Му Фэйюнь лишь кивнул. Ему и самому не хотелось вспоминать о Цинхане, но всё это дело было слишком тесно переплетено с Ин Сынем, так что деваться было некуда.

— Господин Му, — продолжил слуга, — наш помещик просит вас зайти в главный зал для беседы.

— Дядя Мо? — уточнил Фэйюнь.

— Должно быть, случилось что-то важное. Пожалуйста, следуйте за мной.

Му Фэйюнь направился вслед за слугой. Мо Наньфэн, единственный сын в семье Мо, провел вдаль от дома десять лет. Семья, казалось, совсем забыла о его существовании, позволив ему оставаться в Горах Куньлунь и ввязываться в ту безумную историю с Шэнь Цинханем. В итоге Цинхань сбежал с Ин Сынем, а Мо Наньфэн не только остался ни с чем, так еще и был жестоко избит этим самым Сынем в Цзибэе, после чего его, словно ненужный тюк, отправили домой.

Эту историю никто не афишировал, но в мире боевых искусств нет тайн, которые не стали бы достоянием общественности. Не прошло и трех дней, как похождения этой троицы обросли десятком версий, которые пересказывали в каждой чайной и даже успели превратить в театральные пьесы. Неужели семья Мо почувствовала, что их честь окончательно растоптана, и решила высказать Ин Сыню всё, что думает о его методах?

С этими мыслями Фэйюнь подошел к дверям зала. Слуга остановился у порога.

— Помещик просит позвать только господина Му. Я подожду здесь.

Фэйюнь кивнул и вошел внутрь. Мо Цинчэнь сидел во главе стола. Перед ним лежало два длинных меча: один покоился на столешнице, другой он задумчиво вертел в руках.

Му Фэйюнь почтительно сложил руки в приветственном жесте и низко поклонился:

— Му Фэйюнь из Долины Скрытой Луны в горах Цаншань приветствует помещика Мо.

Цинчэнь поднял голову и указал на стул рядом с собой.

— В нашей Северной пустыне не жалуют церемонии так, как у вас на Срединных равнинах. Садись.

— Дядя Мо, вы звали меня по какому-то важному делу? — спросил Фэйюнь, устраиваясь на месте.

— Ничего из ряда вон выходящего, — неспешно начал Мо Цинчэнь. — Просто с тех пор, как шесть лет назад хоу Сяовэнь, Ин Сыинь, вернулся в Цзибэй, в Поднебесной воцарился покой. Моя Северная пустыня больше не вмешивалась в дела центра. Но то, как он обошелся с моим сыном... Это не просто обида, это пощечина всей нашей земле.

Му Фэйюнь выпрямился.

— И что вы намерены предпринять?

Мо Цинчэнь вздохнул и покачал головой.

— Семью Мо еще можно назвать великим кланом, но Ин Сыинь годами единолично властвует над миром. Его дерзость и спесь не знают границ. Когда я только забрал сына, я кипел от ярости. Но потом подумал... зная нрав Ин Сыиня, то, что Наньфэн вообще остался жив — это уже величайшая милость с его стороны.

— Дядя Мо, как вы можете так говорить?! — возмутился Фэйюнь. — Золотые годы Ин Сыиня пришлись на период с семнадцати до тридцати лет. Сейчас ему уже тридцать шесть! Никто не может быть «первым под небесами» вечно. Я не верю, что во всем мире не найдется на него управы. Нас тысячи, а их в Поместье хоу Цзибэй едва ли наберется полтысячи вместе со стражей и этими столичными умниками, Сыма и Шаном. Если мы объединимся, неужели не одолеем одного человека?

Мо Цинчэнь грустно улыбнулся и снова покачал головой.

— Твой пыл похвален, мальчик. Но слышал ли ты историю о том, как Ин Сыинь одним мечом остановил десятитысячную армию?

— Слышал. Но я не верю. В этих байках восемь слов из десяти — ложь и преувеличение.

— Не знаю насчет других историй, — серьезно произнес Цинчэнь, — но в легендах об Ин Сыине восемь слов из десяти — чистая правда.

Му Фэйюнь осекся.

— В тот день, когда он один вышел против десяти тысяч... я был там. Я видел это своими глазами.

— Но его описывают как какое-то божество! — воскликнул пораженный юноша. — В нашем мире просто не может быть таких людей.

— «Когда Небо возлагает на человека великую миссию, оно прежде всего испытывает его волю, изнуряет его тело, морит его голодом и ввергает в нужду...» — процитировал Мо Цинчэнь.

— Да сколько ни страдай, в бога не превратишься! Каждый мастер боевых искусств проходит через тяготы.

Хозяин поместья не рассердился на дерзость. Напротив, жажда борьбы Фэйюня была ему по душе. Он отложил меч и проникновенно сказал:

— Сила Ин Сыиня пугает своей запредельностью. Но его прошлое... оно настолько черно, что ты даже представить себе не можешь.

Му Фэйюнь разочарованно ссутулился.

— Дядя Мо, вы позвали меня, чтобы уговорить бросить затею с Сыинем?

— Мы, люди Северной пустыни, рождены для войны. Наше поколение пыталось бороться с ним и проиграло, но это не значит, что молодежь должна оставить надежду. В тебе есть стержень, ты куда лучше моего непутевого сына. Мужчина рожден для того, чтобы сражаться с небом, землей и любыми преградами. Даже если суждено пасть в бою, сдаваться нельзя.

— Значит, вы поддерживаете нас?

— Конечно. И не только я — вся Северная пустыня на вашей стороне.

Лицо Фэйюня просветлело. Он вскочил с места:

— Это же замечательно! Прекрасно!

— Забирай Наньфэна с собой, — добавил Мо Цинчэнь. — За эти десять лет на Срединных равнинах он из-за какого-то мужчины окончательно растерял достоинство. Позорище.

— Не беспокойтесь, дядя Мо. Я присмотрю за ним и верну вам его в целости и сохранности.

Цинчэнь усмехнулся:

— Настоящий мужчина должен лежать в поле, завернутый в лошадиную шкуру, а не прятаться дома, как трусливая черепаха. Раз уж вы замахнулись на такое дело, то пока не сокрушите Ин Сыиня — не возвращайтесь.

Му Фэйюнь не ожидал, что всё пройдет так гладко. О суровом нраве северян ходили легенды, и сегодня он убедился, что слухи не врут. Получив благословение, он, не спрашивая согласия самого Наньфэна, ворвался в его комнату и принялся упаковывать вещи.

Впрочем, у человека, который десять лет не жил дома, багажа почти не было. Пара сменных одежд — вот и всё.

Мо Наньфэн сидел на краю кровати и безучастно наблюдал за суетой друга, даже не пытаясь спросить, зачем тот трогает его вещи.

— Сегодня вечером идем пить, — объявил Фэйюнь, — а завтра на рассвете возвращаемся в центральные земли.

— Я не хочу никуда идти, — глухо отозвался Мо.

— Это еще почему?

Тот просто повалился обратно на кушетку и отвернулся к стене.

— Не хочу и всё. Уезжай один, я останусь дома.

Му Фэйюня охватила ярость.

— Что значит «не хочу»?! Ты уже несколько дней существуешь как овощ, сам не свой. И всё из-за этого Шэнь Цинхэня? Я не понимаю, что в нем такого особенного! Неужели ты не видел, как он... как сладко он стелется под Ин Сыиня?

«Не видел?»

«Видел ли я?»

Воспоминания о той ночи лавиной обрушились на Мо Наньфэна. Он в ярости закрыл уши руками и закричал:

— Нет! Нет! Мой Цинхань — самый лучший, самый чистый человек в мире! Всё это ложь! Он обещал мне, что приедет в Северную пустыню смотреть на звезды. У нас самое синее небо и самые яркие звезды. Я буду ждать его здесь!

— Он не вернется! — отрезал Му Фэйюнь. — Он ушел за Ин Сынем. Если ему и захочется смотреть на звезды, он будет делать это в небе над Цзибэем!

— Нет! Неправда! — Мо Наньфэн внезапно вскочил с кровати.

Фэйюнь даже не шелохнулся, когда Мо, подобно разъяренному льву, набросился на него и сбил с ног. Они покатались по полу. Наньфэн прижал его плечи к доскам, он выглядел безумным.

— Мо Наньфэн, приди в себя! — крикнул Фэйюнь. — За десять лет в Горах Куньлунь, если бы он хоть каплю любил тебя, он бы давно ответил взаимностью. А он всё это время держал тебя за идиота, за слугу!

— Замолчи! Цинхань — хороший человек. Он просто холодный... он со всеми такой. Он мало говорит, почти не улыбается, он часто ругал меня... Но во всех Горах Куньлунь только со мной он говорил больше всего!

— Да потому что ты его бесил, и он не мог не орать на тебя!

— Нет... он обещал... Обещал, что когда закончит свои дела, уедет со мной сюда.

— Хватит обманывать себя! — Му Фэйюнь не отступал. — Ты правда веришь, что он поехал бы с тобой? Ты был с ним десять лет. И что толку? Он увидел Ин Сыня один раз и сразу ушел с ним. Теперь вся Поднебесная знает, что Сынь завел себе комнатную игрушку по имени Шэнь Цинхань. У тебя уши есть? Сердце есть? Он ушел, Наньфэн! Ушел к другому! И он никогда не вернется!

Мо Наньфэн замер.

— Он вернется... Обязательно вернется... — голос его становился всё тише, переходя в хриплый шепот. Пальцы, сжимавшие плечи Фэйюня, задрожали. Он опустил голову, став похожим на ребенка, у которого отняли последнюю сладость.

Му Фэйюнь почувствовал перемену. О чувствах Мо Наньфэна к Шэнь Цинханю знали все.

Нужно обладать поистине безграничной преданностью, чтобы десять лет следовать тенью за человеком, который никогда не дарил тебе даже теплой улыбки.

«Может, я перегнул палку?» — подумал Фэйюнь. Он хотел было сказать что-то ободряющее, но в этот момент на его лицо упали две горячие слезы.

Его рука так и застыла, не дотянувшись до плеча друга.

— С того дня, как я впервые увидел его, — заговорил Мо Наньфэн надтреснутым голосом, — я поклялся, что даже если мне придется умереть, я сделаю так, чтобы он был счастлив. Но я оказался слабаком. Я не смог защитить его. Я просто стоял и смотрел, как его унижают...

Слезы капали всё чаще.

— Цинханю с детства было несладко. Шисюны и шиди в секте дразнили его, говорили, что он красив как девчонка, издевались над ним. Каждый раз, когда я вступался за него, меня наказывали, ругали... Несколько раз наставники других пиков требовали, чтобы мой учитель выгнал меня вон.

Мо Наньфэн словно рассказывал сказку самому себе:

— И только Цинхань... Он каждый раз обзывал меня безмозглым дураком, а потом... потом отдавал мне свою порцию маньтоу. Ты когда-нибудь ел холодные маньтоу в Горах Куньлунь? Они твердые и холодные как лед. Я жаловался, что они невкусные, а он ворчал, что мне и это — за радость. Но в следующий раз он заранее прятал маньтоу за пазуху, у самого сердца. И когда он отдавал их мне, они еще хранили его тепло.

— Все говорят, что Шэнь Цинхань бесчувственный сухарь. Но я-то знаю — у него доброе сердце, живое, из плоти и крови. Я любил его десять лет и верил, что он это чувствует. Не знаю, какой груз он несет на своих плечах, он не рассказывал, а я не смел спрашивать. Я просто хотел быть рядом. Но в тот день... он испугался, что Ин Сынью убьет меня. Когда этот человек издевался над ним, Цинхань не смел и слова поперек вставить. Он соглашался на всё, лишь бы Сынью не гневался. Ты понимаешь? Шэнь Цинхань, который никого и ничего не боялся... В тот день он был охвачен одним лишь страхом.

Он замолчал, с трудом сглатывая слезы.

— Он испугался, что я умру. Он спас меня ценой самого себя.